

Арктика и Север. 2022. № 48. С. 144–163.
Научная статья
УДК: [316.733+316.752+316.74](985)(045)
doi: 10.37482/issn2221-2698.2022.48.144

Межпоколенные различия в уровне религиозности жителей российской Арктики в контексте ценностной трансформации российского общества *

Максимов Антон Михайлович ^{1✉}, кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лаврова Уральского отделения Российской академии наук, набережная Северной Двины, 109, Архангельск, 163002, Россия

¹ amm15nov@yandex.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0959-2949>

Аннотация. В статье исследуется проблема межпоколенной динамики уровня религиозности в постсоветской России в контексте культурных трансформаций, сочетающих движение к постсекулярности и доминированию светских ценностей обществ позднего Модерна. Анализируются общероссийские данные, полученные в рамках проекта «Всемирное исследование ценностей», а также полученные при непосредственном участии автора статьи данные по религиозности и ценностным ориентациям населения арктических территорий отдельных субъектов РФ. В результате анализа автор верифицирует несколько гипотез и приходит к определённым качественным результатам. Во-первых, в современной России наблюдается тенденция к межпоколенному сдвигу в направлении от традиционных ценностей к секулярно-рациональным ценностям (в терминологии Р. Инглхарта). Начало этого процесса приходится на период социализации поколения так называемых миллениалов, контекстом которой выступают экономические и политические реформы 1990–2000-х гг. Во-вторых, органичной частью процесса межпоколенной трансформации ценностей выступает процесс снижения уровня религиозности, однако он «запаздывает» на одно поколение. В статье автор предлагает объяснение причин этой десинхронизации. В-третьих, показано, что уровень религиозности населения арктических территорий ниже (в целом и по поколениям) по сравнению с общероссийским уровнем религиозности. Факторами, обуславливающими эти различия, с точки зрения автора, являются относительно невысокая доля мусульманского населения в российской Арктике и её высокий уровень урбанизации.

Ключевые слова: религиозность, поколение, ценностные ориентации, российская Арктика, секуляризация, культурная трансформация, World Values Survey

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00016 А «Влияние межпоколенных различий ценностных ориентаций населения Арктической зоны Российской Федерации на экономическое развитие её территорий».

Intergenerational Differences of the Religiosity Level of Russian Arctic Residents in the Context of the Values Transformation in the Russian Society

* © Максимов А.М., 2022

Для цитирования: Максимов А.М. Межпоколенные различия в уровне религиозности жителей российской Арктики в контексте ценностной трансформации российского общества // Арктика и Север. 2022. № 48. С. 144–163. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.144

For citation: Maksimov A.M. Intergenerational Differences of the Religiosity Level of Russian Arctic Residents in the Context of the Values Transformation in the Russian Society. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2022, no. 48, pp. 144–163. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.144

Anton M. Maksimov, Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor, Senior Researcher

N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Naberezhnaya Severnoy Dviny, 109, Arkhangelsk, 163002, Russia

¹ amm15nov@yandex.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0959-2949>

Abstract. The article examines the problem of intergenerational dynamics of the religiosity level in post-Soviet Russia in the context of cultural transformations, combining the movement towards postsecularity and the domination of secular values of late modern societies. The paper analyzes the all-Russian data, obtained within the framework of the project “World Values Survey”, as well as data on religiosity and value orientations of the population of some Russian Arctic regions, obtained with the direct participation of the author. As a result of the analysis, the author verifies several hypotheses and comes to certain qualitative results. Firstly, there is a generational shift from traditional values to secular-rational values in modern Russia (according to R. Inglehart). The beginning of this process falls on the period of the socialization of the Millennial generation, the context of which is the economic and political reforms of the 1990–2000s. Secondly, the process of the intergenerational transformation of values is organically associated with a decline in the level of religiosity, but it is “delayed” by one generation. The author offers an explanation for this desynchronisation. Thirdly, it is shown that the religiosity level of the population of the Arctic territories is lower (in general and by generations) in comparison with the all-Russian religiosity level. The factors contributing to these differences, according to the author, are the relatively low share of Muslim population in the Russian Arctic and its high level of urbanization.

Keywords: *religiosity, generation, value orientation, Russian Arctic, secularization, cultural transformation, World Values Survey*

Введение

На протяжении последних полутора столетий одной из фундаментальных тенденций в культурах модернизирующихся обществ было постепенное, но неуклонное (а в отдельных случаях весьма стремительное и вызывающее массовый культурный шок) усиление секулярности общественного сознания, сопровождающееся утратой интереса к религиозным практикам, доктринам и производным от них моральным императивам. Данная тенденция стала частью более широкой ценностной трансформации, охватившей индустриальные общества по всему миру. Несмотря на то, что ряд исследователей отмечает усиление религиозности в отдельных регионах, прежде всего тех, которые находятся в орбите исламского культурного влияния [1, Gottlieb A., с. 80–81], общий тренд остается неизменным [2, Inglehart R., с. 139]. Наблюдавшееся в России в первое постсоветское десятилетие религиозное возрождение затронуло значительную часть населения [3, Маркин К.В., с. 277], но, как мы постараемся показать ниже, стало скорее поколенческим явлением, нежели устойчивым поступательным процессом.

В России в силу полиэтничности её населения и глубоких региональных различий уровни религиозности / секулярности существенным образом отличаются в разных субъектах РФ и даже на разных территориях одного и того же субъекта. В то же время всероссийские выборочные опросы в недостаточной мере отражают эти отличия, в особенности для сравнительно малонаселённых регионов, зачастую выпадающих из поля зрения ведущих российских исследователей. Это обстоятельство фактически предопределяет важность региональных и локальных социологических исследований для заполнения имеющихся эмпири-

ческих лакун: не претендуя на сколько-нибудь широкие обобщения, эти работы позволяют аккумулировать значительные массивы данных, формирующие контуры социокультурного портрета региона, и, таким образом, создают предпосылки для сравнительных межрегиональных исследований.

Настоящая работа относится к такому типу исследований. В ней нами верифицируются три гипотезы:

- по мере смены послевоенных поколений происходит постепенное снижение уровня религиозности и усиление секулярности сознания жителей территорий российской Арктики;
- этот процесс является частью более широкого процесса межпоколенной трансформации ценностных ориентаций;
- Европейская часть российской Арктики, за вычетом территорий, традиционно населенных коренными малочисленными народами, в силу высокого уровня урбанизации, индустриального характера экономики, наличия научно-образовательных центров и смешанного по происхождению состава населения отличается более низким уровнем религиозности, чем в среднем по России, в составе которой есть регионы с сохраняющимися элементами культуры традиционного общества.

Теория поколений в российской социологии

Если обратиться к проблеме концептуального осмысления феномена, обозначаемого понятием «поколение», становится очевидно, что он сущностно не тождествен тому феномену, который определяется через термин «возрастная когорта», широко применяемый в статистике, демографии, а нередко и в социологии. В соответствии с традицией, заложенной ещё в работах К. Мангейма, границы поколения определяются не столько хронологически, сколько через общий опыт социализации в специфических историко-культурных условиях, отличающихся от таковых для предшествующих и последующих поколений. Осознание людьми того, что их личностное становление происходило в особых исторических условиях, по Мангейму, не обязательно ведёт к монолитному единству ценностей, мировоззрения, политических взглядов и тому подобного, но задает единство социально-исторического «местоположения» и общий для этих людей круг смысложизненных вопросов. Вместе с тем в пределах одного поколения могут наблюдаться отдельные «фракции», происхождение которых уже можно связать с классовой, сословной, профессиональной дифференциацией внутри поколения [4, Мангейм К.].

В русле мангеймовских представлений о поколениях как особых социокультурных общностях, сменяющих друг друга во времени, во второй половине XX в. сложилась и развивалась теория поколений. Современная версия этой теории обычно возводится к работам Н. Хау и У. Штрауса 1990-х гг. [5, Strauss W., Howe N.]. Они предложили свою периодизацию по-

колений для XX в., которая вплоть до настоящего времени остаётся весьма популярной в различного рода научных и публицистических работах. Важно отметить, что эмпирической основой модели Хау-Штрауса стали данные о различных сторонах жизни народонаселения США на протяжении прошлого столетия. Это обстоятельство автоматически предполагает необходимость её адаптации с учётом историко-культурных и социально-политических реалий того общества, к которому её планируется применить. Образцы такого рода адаптации к реалиям советского / постсоветского общества обнаруживаются в работах целого ряда отечественных исследователей, опубликованных за последнюю четверть века (подробнее см.: [6, Максимов А.М., с. 5–6]).

В табл. 1 представлены как оригинальная периодизация (модель смены поколений) У. Штрауса и Н. Хау, так и её модификации с учётом специфики исторического развития СССР / России в XX — начале XXI вв. за авторством таких видных социологов как Ю.А. Левада и В.В. Радаев.

Таблица 1

Модели смены поколений во второй половине XX — начале XXI вв.

Модель У. Штрауса и Н. Хау	Модель Ю.А. Левады			Модель В.В. Радаева		
Поколение (период рождения)	Поколение	Период рождения	Период взросления	Поколение	Период рождения	Период взросления
-	«Оттепель»	1929–1943 гг.	1953–1964 гг.	Поколение оттепели	1939–1946 гг.	1956–1964 гг.
Поколение послевоенного бэби-бума (1946–1964 гг.)	«Застой»	1944–1968 гг.	1964–1985 гг.	Поколение застоя	1947–1967 гг.	1964–1984 гг.
Поколение X (1965–1983 гг.)	«Перестройка» и «реформы»	с конца 1960-х гг.	1985–1999 гг.	Реформенное поколение	1968–1981 гг.	1985–1999 гг.
Поколение Y (1984–1999 гг.)				Поколение миллениалов	1982–2000 гг.	1999–2016 гг.
Поколение Z (2000–2015 гг.)				Поколение Z	с 2001 г.	с 2016 г.

Несложно заметить, что и у В.В. Радаева, и у Ю.А. Левады интервалы годов рождения и взросления для разных поколений не одинаковы, что отражает представление о неравномерности темпов исторического процесса и лишний раз подчёркивает идею о несовпадении поколенческих границ с границами возрастных когорт.

В представленных моделях наблюдается некоторая вариативность хронологических границ для одних и тех же поколений. Вследствие этого крайние возрастные группы каждого поколения пересекаются с близкими по возрасту представителями «соседних» поколений, что порождает феномен так называемых «эхо-поколений». В свою очередь, это требует выделения для каждого поколения его возрастного «ядра». Сравнение возрастных границ поколений в разных моделях позволило решить эту задачу. Хронологические рамки «ядра» поколения составляют диапазон в 9–15 лет. Для «поколения оттепели» им стали люди 1930–1945 гг. рождения, для советских «бэби-бумеров» («поколение застоя») — 1950–1965 гг., для

поколения X — 1971–1980 гг., для «миллениалов» — 1984–1993 гг. и для поколения Z — 1997–2010 гг.

Относительно последнего поколения хотелось бы уточнить, что отнесение его нижней границы (по годам рождения) к началу 2000-х представляется излишне условным, если не сказать формальным. Общим местом является суждение о том, что для поколения Z специфическим культурным контекстом, в котором протекает социализация его представителей, является завершение формирования цифровой информационно-коммуникационной среды, повсеместное распространение мобильных цифровых устройств, общедоступность Интернета и рутинизация использования различных цифровых гаджетов. В России всё вышеназванное пришлось на вторую половину 2000-х — начало 2010-х гг. В этот период родившиеся после 2000 г. в лучшем случае начали ходить в школу, а в подростковом и юношеском возрасте пребывали люди, родившиеся ещё во второй половине 1990-х. С этой точки зрения целесообразно обозначить примерные границы поколения Z в диапазоне 1995–2015 гг., что не противоречит помещению «ядра» поколения Z в указанные нами выше временные границы [6, Максимов А.М., с. 7].

Феномен религиозности в постсоветской России

Возвращение в публичный дискурс риторики религиозных учений, политическая активизация религиозных организаций и движений, некоторые внешние признаки клерикализации — все эти явления, наблюдаемые сегодня во многих светских обществах, успешно прошедших этап модернизации, побудили западных исследователей к более серьёзной рефлексии в отношении теории секуляризации и вызвали к жизни масштабную дискуссию с целью пересмотра представлений о характере самого процесса секуляризации, как он исторически происходил в Европе и за её пределами, его универсальности и необратимости, а также природе религиозного ренессанса в развитых странах [7, Gorski P.S., Altmordu A., с. 68–75; 8, Inglehart R., с. 3–32; 9, Possamai A., с. 823–826].

Один из ведущих социологов религии Адам Поссамай обращает внимание на то, что функционирование современной религиозности следует интерпретировать иначе, чем религиозных институтов в традиционных обществах: в контексте глобального капитализма состояние постсекулярности [подробнее см.: 10, Habermas J.] отражает то, как элиты модернизирувавшихся обществ предпринимают систематические усилия по интеграции разного рода религиозных групп. В случае успеха это снижает потенциал конфликтности между этими группами (а также между верующими и неверующими), институализирует и делает контролируемыми их взаимоотношения, а также позволяет элитам присваивать символический капитал религиозных лидеров и организаций. Таким образом, проникновение религиозных доктрин и практик в публичное пространство носит контролируемый характер, сопровождается их включением в современную, светскую по своему существу, культуру и подчиняет их нормам светского государства. В результате происходит не десекуляризация обществ Мо-

дерна, а лишь ещё большая стабилизация их политических и культурных подсистем [9, Posamai A., с. 828–829].

Не углубляясь в вопрос о сильных и слабых сторонах логики Поссамая и справедливости его аргументов, отметим, что из его интерпретации следуют два вывода, позволяющих прояснить феномен постсоветского расцвета религиозных идентичностей в России:

- активное присутствие религиозных объединений и их лидеров в публичной сфере современных обществ¹ в большинстве случаев не сопровождается ни возвратом к религиозным нормам как регуляторам рутинных социальных практик, ни массовым отказом от секуляризованной культуры и рационального восприятия мира в пользу религиозно-мистических представлений;
- если движение по пути модернизации на начальном этапе было сопряжено с подавлением тех религиозных групп, которые выступали в качестве агентов сохранения институтов и ценностей традиционного общества, то в дальнейшем ослабление политического давления на эти группы (что само по себе является одним из результатов успешной модернизации) приведёт к их гиперактивности и сделает актуальной задачу их реинтеграции в современное общество.

Политическая либерализация, начавшаяся в нашей стране ещё в Перестройку, и развертывавшаяся на протяжении 1990-х гг., вызвала стремительный рост численности тех, кто определял себя как верующего, в массе своей — православного христианина, доля которых за первое постсоветское десятилетие выросла почти вдвое [3, Маркин К.В., с. 277]. Вместе с тем все опросы показывают крайне невысокий процент тех из них, кого можно назвать воцерковлёнными, то есть регулярно практикующими религиозные обряды и взаимодействующими с представителями духовенства, знающими основы вероучения и разделяющими принципы религиозной морали [11, Емельянов Н.Н., с. 35; 12, Задорин И.В., Хомякова А.П., с. 166, 180]. Это подтверждает означенный выше тезис о сохранении в модернизовавшемся обществе светского характера мышления, ценностей и соответствующих привычек у большинства из тех, кто декларирует свою религиозность.

Объяснений этому феномену существует несколько. Первое из них было предложено американским социологом Рональдом Инглхартом в рамках его эволюционной теории модернизации. Согласно его подходу, системный кризис внутри общества и, как следствие, массовое распространение ощущения небезопасности собственного существования и неуверенности в завтрашнем дне, создают условия для «консервативного поворота», что может выразиться в том числе и в повышении интереса к религиозным доктринам и практикам, религиозно-общинным основаниям социальной солидарности. Лавинообразный рост числа тех, кто идентифицирует себя с какой-либо религиозной группой, наблюдавшийся Советском

¹ Здесь термин «современное общество» употребляется в значении общества, в котором завершился процесс экономической, политической и научно-технической модернизации, знаменующих переход к развитому индустриальному обществу, т.е. современные общества в этом смысле противопоставлены традиционным по классификации Д. Белла.

Союзе в конце 1980-х и в постсоветской России в 1990-е гг., когда произошёл слом прежней системы, и страна вошла в фазу глубокого общенационального кризиса, представляет собой яркую иллюстрацию работы этого механизма [2, Inglehart R., с. 144–145]. Косвенно о таком эффекте свидетельствуют и отдельные исследования российских учёных [13, Пруцкова Е.В., с. 129]. Следствием такой интерпретации «взрывного» роста численности православных христиан в первое постсоветское десятилетие является предположение о том, что этот рост обеспечивался преимущественно за счёт людей 1960–1970-х гг. рождения, которые в период рыночных реформ были ядром экономически активного населения и в наибольшей степени должны были подвергаться стрессу и фрустрации в связи с происходящими в стране событиями. Ниже мы верифицируем это предположение на эмпирических данных.

Ещё одно возможное объяснение связано с понятием «этнодоксии», описывающим явление, когда для индивида важна этнокультурная идентичность, но его повседневное существование уже никак не связано с традиционной народной культурой, и для подкрепления своей идентичности индивид обращается к ярким внешним маркерам этничности, таким как доминирующая в его этнической среде религия (русский равно православный, чеченец равно мусульманин и т. п.). В результате по принципу ассоциации происходит смешение этнической и религиозной идентичностей [14, Karpov V., Lisovskaya E., Barry D., с. 644].

Наконец, отчасти массовое декларирование принадлежности к религиозному мейнстриму может быть объяснено тем, что в случае поддержки такого рода религиозных учений со стороны национальной или региональных политических элит, обычные граждане воспринимают эти учения в качестве элементов государственной идеологии. В этой ситуации публичная приверженность православию, если речь идет о России в целом, или, например, исламу (в некоторых субъектах РФ) выполняет функцию демонстрации лояльности государству и его агентам, включая службы опросов общественного мнения, которые зачастую воспринимаются в таком качестве [3, Маркин К.В., с. 279]. Этот подход допускает, объясняет продолжающийся рост численности верующих в период стабилизации российской экономической системы в 2000 — начале 2010-х гг.: в этот период во взрослую жизнь вступали российские миллениалы (поколение Y), наиболее политически конформная часть которых в условиях консолидации политического режима и его постепенного риторического разворота в сторону консерватизма могла быть склонной к демонстрации своей приверженности доминирующим в стране религиозным течениям. Далее в тексте это предположение также будет проверено эмпирически.

Религиозность россиян в контексте межпоколенной трансформации ценностей

Для характеристики уровня религиозности граждан России в целом, а также для описания контекста, связанного с динамикой ценностных ориентаций россиян, мы обратились к данным межстранового сравнительного исследования World Values Survey (WVS), в частности к результатам масштабных опросов 6-ой и 7-ой «волн» (2010–2014 гг. и 2017–2020 гг. соответственно, выборка по России для 6-ой волны составила 2 500 человек; для 7-ой — 1 810 человек).

В методологии WVS в качестве ключевых «осей ценностей» выделяются оси «традиционные ценности — секулярно-рациональные ценности» и «ценности выживания (survival values) — ценности самовыражения (self-expression values)» [15, Welzel C., Inglehart R., с. 48–56]. В конкретных обществах ценностные ориентации их членов распределяются между полюсами этих осей, отражая степень приверженности тем или иным (традиционалистским или модерным / постмодерным) системам ценностей. В рамках настоящей статьи нас интересует положение современной России по первой из двух осей.

Положение России на карте культур (с точки зрения доминирующих в обществе ценностных ориентаций) Р. Инглхарта и К. Вельцеля отображено на рис. 1 и 2.

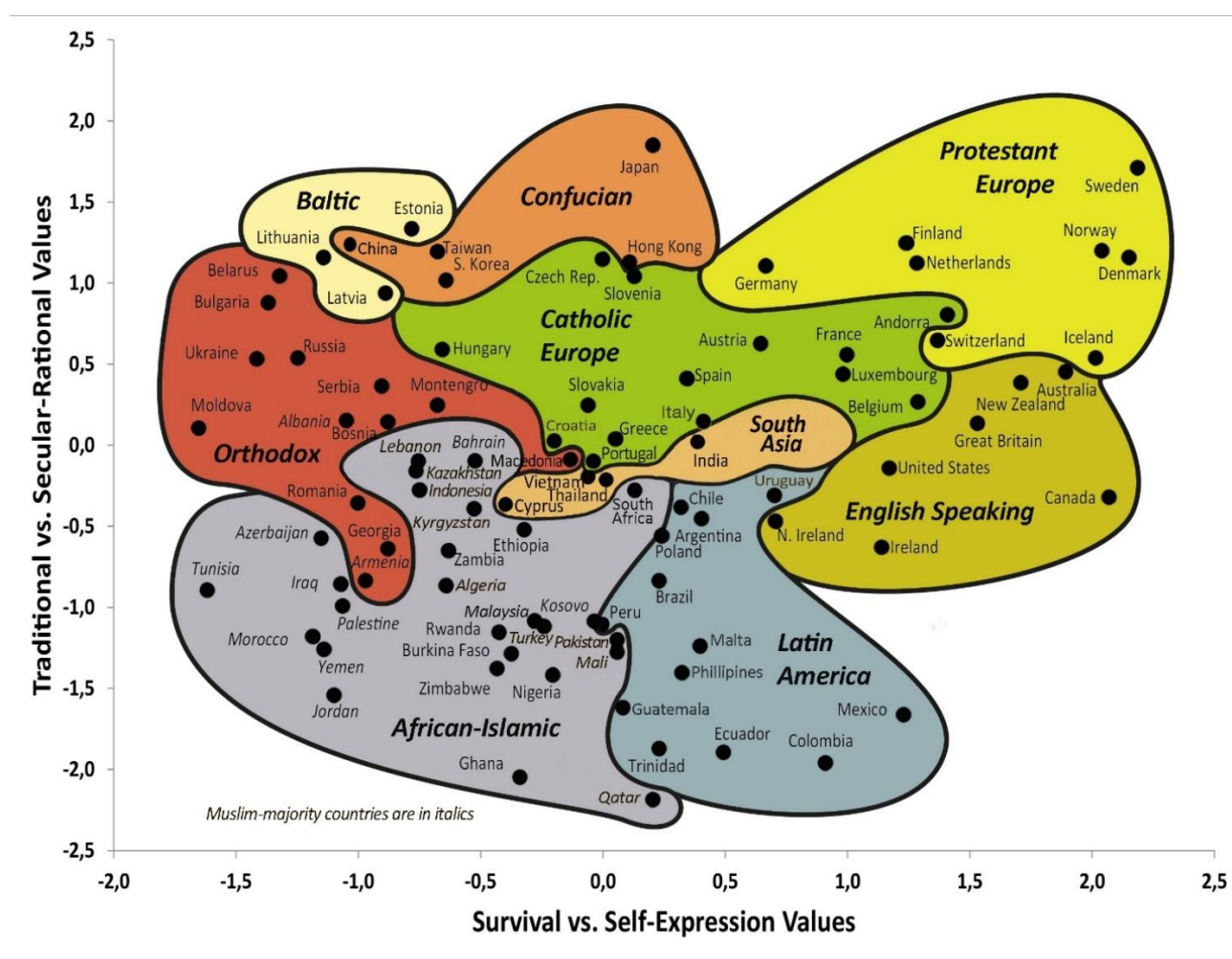

Рис. 1. Всемирная карта культур Р. Инглхарта — К. Вельцеля. На основе данных опросов 6-ой волны WVS, 2014 г. ²

В целом за период между двумя последними «волнами» исследований позиция России по оси «традиционные ценности — секулярно-рациональные ценности» не изменилась — страна располагается примерно на её середине. Для сравнения: такую же позицию занимают, например, Австрия и Исландия. Установки населения страны можно охарактеризовать как умеренно секулярные и умеренно консервативные. Однако интегральный показатель

² The Inglehart-Welzel World Cultural Map — World Values Survey 6 (2014). URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSCContents.jsp> (дата обращения: 08.01.2022).

степени приверженности традиционным (секулярно-рациональным) ценностям агрегирует множество частных индикаторов — по отдельным параметрам между странами, занимающими сходную позицию в системе культурных (в смысле систем ценностей) координат, могут наблюдаться существенные различия. Одним из таких параметров выступает религиозность жителей той или иной страны (региона).

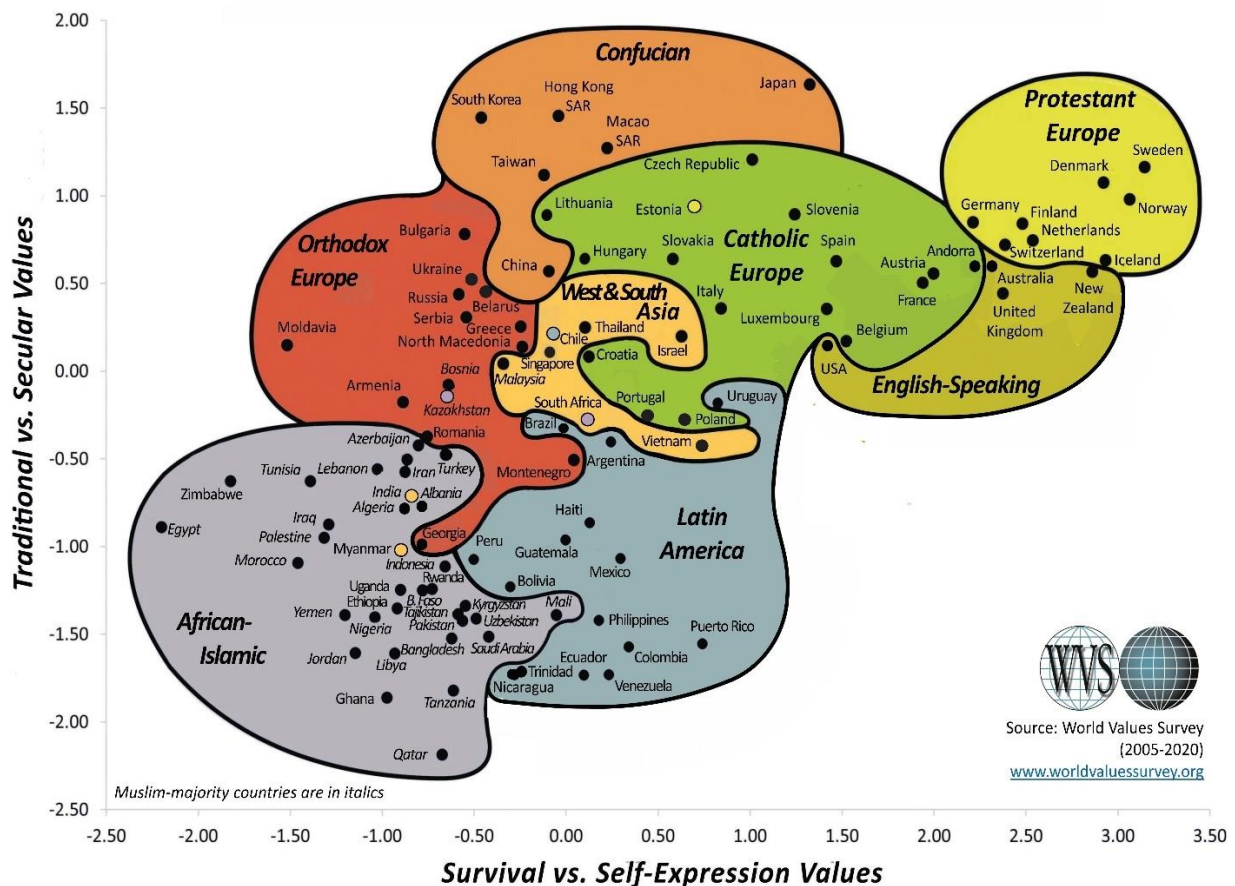

Рис. 2. Всемирная карта культур Р. Инглхарта — К. Вельцеля. На основе данных опросов 7-ой волны WVS, 2020 г.³

В исследованиях Р. Инглхарта и его коллег для определения уровня религиозности используются измерения по целому ряду индикаторов, часть из которых позволяет более комплексно оценить религиозность приверженцев отдельных религиозных учений (например, некоторых христианских конфессий), другие же отличаются более универсальным характером. В числе последних ключевыми являются: 1) оценка респондентами важности религии в их повседневной жизни, 2) оценка респондентами степени своей приверженности какой-либо религиозной доктрине — идентификация себя как религиозного, нерелигиозного (индифферентного к вопросам религии) человека или атеиста.

По индикатору важности религии в жизни респондента (important in life: religion) сколько-нибудь значимых межпоколенных различий в рамках 6-ой волны WVS не наблюдается, однако в 7-ой волне зафиксированы значимые ($p < 0,05$) отличия, хотя значения по рас-

³ The Inglehart-Welzel World Cultural Map - World Values Survey 7 (2020). URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSCContents.jsp> (дата обращения: 08.01.2022).

смаатриваемому показателю и по показателю возраста слабо коррелированы (табл. 2). Эти различия возникают за счёт вклада самого молодого послевоенного поколения: значение его индекса важности религии не только выше в сравнении с другими поколениями, но и существенно превышает среднее значение индекса по выборке.

Более детальный анализ данных позволяет сделать вывод о том, что для России в целом такое высокое значение по этому показателю среди граждан страны, родившихся в конце 1990-х — начале 2000-х гг., достигается за счёт регионов со значительной долей мусульман в составе населения. Так, по результатам опроса, проведённого в 2017 г., доля православных, которые на вопрос о важности религии в их жизни ответили «очень важна», составила 17,6% (в 2011 г. — 17,9%), а мусульман — 50,9% (в 2011 г. — 36%) ⁴.

Таблица 2

Индексы важности религии в жизни респондентов ⁵ в разрезе поколений. На основе данных опросов 6-ой 7-ой волн WVS. 2011 г. и 2017 г. соответственно ⁶

	Wave 6 (2010–2014) ⁷	Wave 7 (2017–2020)
Поколение Бэби-бума (1950–1965 гг. р.)	0,65	0,60
Поколение X (1971–1980 гг. р.)	0,68	0,61
Поколение Y (1984–1993 гг. р.)	0,68	0,63
Поколение Z (1997–2002 гг. р.)	-	0,73
По выборке в целом	0,67	0,64

Таблица 3

Распределение респондентов с различными значениями индикатора важности религии в их жизни по отдельным религиозным группам (данные по Поколению Z (1997–2002 гг. р.), в % (по строке) ⁸

Значимость религии в жизни респондента	Конфессиональная принадлежность		
	Не принадлежит ни к какой религии	Православный	Мусульманин
Очень важна	14,3	0	85,7
Скорее важна	11,5	76,9	11,5
Не очень важна	56,8	40,5	2,7
Совсем не важна	67,9	32,1	0

⁴ Приводятся данные только для тех религиозных групп, доля которых в выборке составила не менее 2%, т.е. величины, сопоставимой (не меньшей) с величиной доверительного интервала.

⁵ Индексы рассчитаны как отношение среднего значения по подвыборке к числу значений шкалы.

⁶ Источники: Inglehart R., Haerpfer C., Moreno A., Welzel C., Kizilova K., Diez-Medrano J., Lagos M., Norris P., Ponarin E., Puranen B. et al., eds. 2014. World Values Survey: Round Six - Country-Pooled Datafile Version. Madrid: JD Systems Institute. URL: www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp (дата обращения: 08.01.2022); Haerpfer C., Inglehart R., Moreno A., Welzel C., Kizilova K., Diez-Medrano J., Lagos M., Norris P., Ponarin E., Puranen B. et al., eds. 2020. World Values Survey: Round Seven - Country-Pooled Datafile. Madrid, Spain & Vienna, Austria: JD Systems Institute & WVSA Secretariat. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> (дата обращения: 08.01.2022).

⁷ В опросе 6-ой волны WVS не принимали участия представители поколения Z, так как на момент проведения опроса не являлись совершеннолетними гражданами. В связи с этим здесь и далее для 6-ой волны WVS приводятся данные по трём послевоенным поколениям.

⁸ Источник: Haerpfer C., Inglehart R., Moreno A., Welzel C., Kizilova K., Diez-Medrano J., Lagos M., Norris P., Ponarin E., Puranen B. et al., eds. 2020. World Values Survey: Round Seven - Country-Pooled Datafile. Madrid, Spain & Vienna, Austria: JD Systems Institute & WVSA Secretariat. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> (дата обращения: 08.01.2022).

Если же обратиться к ответам респондентов, которых мы относим к поколению Z, то 85,7% тех из них, кто указал на высокую важность религии в их жизни, приходится на мусульман (табл. 3). В самой же группе мусульман из поколения Z доля таких респондентов составила 60% — больше, чем среди мусульман любого другого поколения (православные «зумеры» же, наоборот, из всех поколений продемонстрировали наименьшее значение рассматриваемого показателя).

На рис. 3 и 4 наглядно отображены межпоколенные различия по показателю религиозной самоидентификации (идентификации с группами с разной степенью декларируемой религиозности).

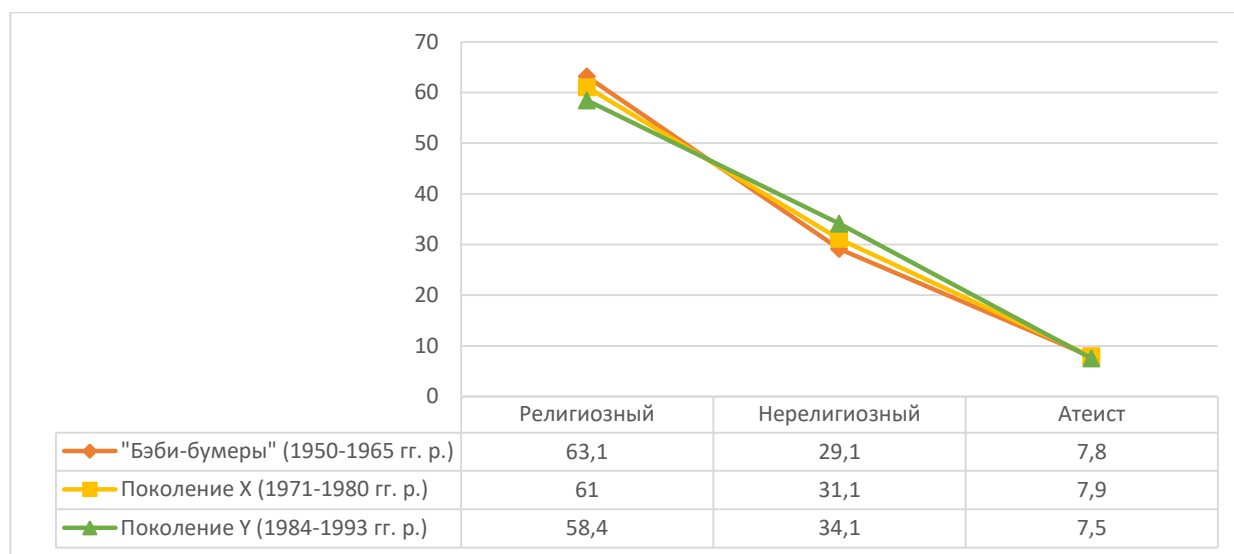

Рис. 3. Распределение респондентов из различных поколений по уровню религиозности на основе декларируемой религиозной самоидентификации, в %. WVS. 2011 г., n = 2500.

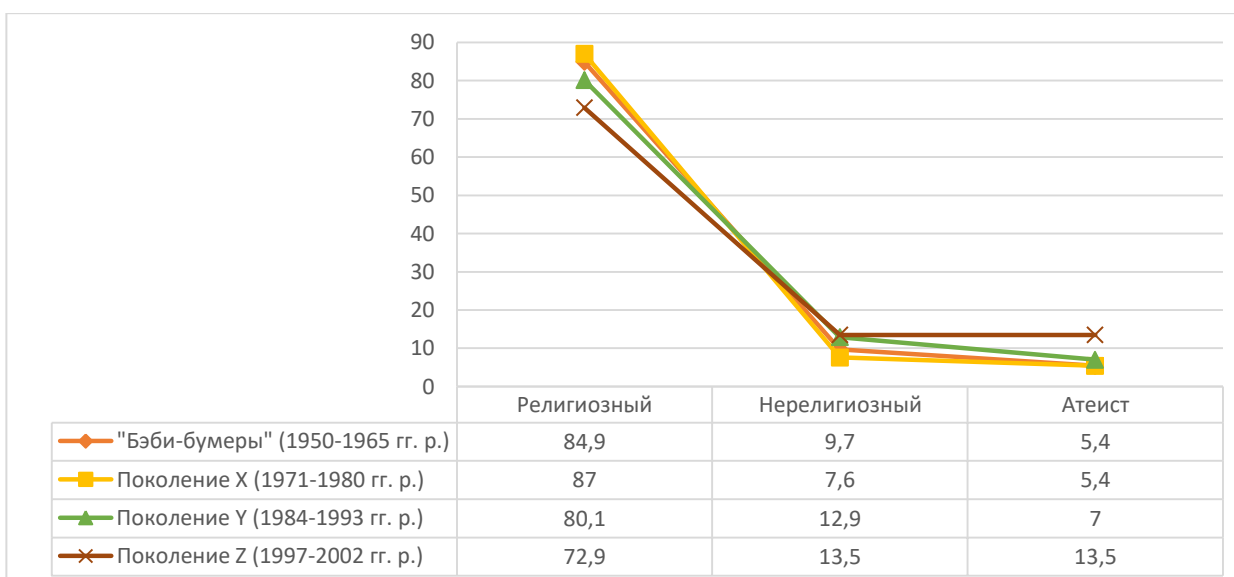

Рис. 4. Распределение респондентов из различных поколений по уровню религиозности на основе декларируемой религиозной самоидентификации, в %. WVS. 2017 г., n = 1810.

Общий вывод из полученных данных можно свести к двум тезисам:

- все послевоенные поколения, кроме поколения Z (конец 1990-х — 2000-е гг. рождения), имеют сходное распределение между религиозными, нерелигиозными и атеистами; при этом, как и предполагалось теоретически, среди поколений X и Y очень высока доля лиц, относящих себя к верующим; в случае опроса 2017 г. доли таких лиц в процентном отношении заметно выше в сравнении с долями тех, кто указал на важность религии в их жизни; иными словами, декларируемая религиозность растёт, тогда как субъективная значимость религиозности снижается — из всех теоретических объяснений наблюдаемой картины наиболее релевантным является интерпретация роста декларируемой религиозности как демонстрации лояльности государству и солидаризации с публично транслируемой идеологией российской элиты, в которой на протяжении 2010-х гг. усиливались консервативные и этатистские компоненты;
- представители поколения Z, несмотря на увеличение среди них числа тех, для кого религия является важной частью их жизни, в наименьшей степени (в сравнении с другими поколениями) декларируют свою религиозность и в наибольшей степени — религиозный скептицизм и атеизм; «цифровые аборигены», таким образом, выступают проводниками общемирового тренда постсекулярности, когда религиозные учения, с одной стороны, не загоняются в маргинальные культурные ниши, но с другой стороны, адаптируясь, встраиваются в плюралистическую (cultural diversity) культуру, исходно базирующуюся на секулярных ценностных основаниях.

Межпоколенные различия в уровне религиозности жителей Арктической зоны РФ

В качестве эмпирической базы анализа межпоколенных различий в уровне религиозности, определяемой через самоидентификацию, нами использовались данные, полученные в ходе реализации поддержанного РФФИ исследовательского проекта «Влияние межпоколенных различий ценностных ориентаций населения Арктической зоны Российской Федерации на экономическое развитие её территорий» (полевой этап завершён в 2020 г.), а также (в качестве источника дополнительных данных) материалы другого проекта, поддержанного РФФИ — «Ценностные и когнитивные факторы предпринимательского поведения населения арктических территорий России» (полевой этап завершён в 2018 г.). В обоих проектах автор настоящей статьи принимал непосредственное участие.

В опросе 2018 г. приняли участие жители Ямало-Ненецкого автономного округа и арктических территорий Архангельской области. Выборка (в рамках возрастных границ, установленных нами для исследуемых послевоенных поколений) составила 646 человек. Поскольку тематика исследования напрямую не касалась религиозности жителей арктических регионов, для измерения уровня религиозности использовался лишь один индикатор, основанный на самоидентификации респондента с группами с различной степенью приверженности религиозным представлениям, размещённым на 5-ранговой шкале (от тех, кто не

только декларирует свою религиозность, но и указывает на регулярность посещения храмов и соблюдения обрядов до лиц, определяющих себя как атеистов). Эти данные (рис. 5) мы приводим в целях сравнения уровня религиозности разных поколений во временной динамике (в том числе, для выявления возможного эффекта пандемии COVID-19).

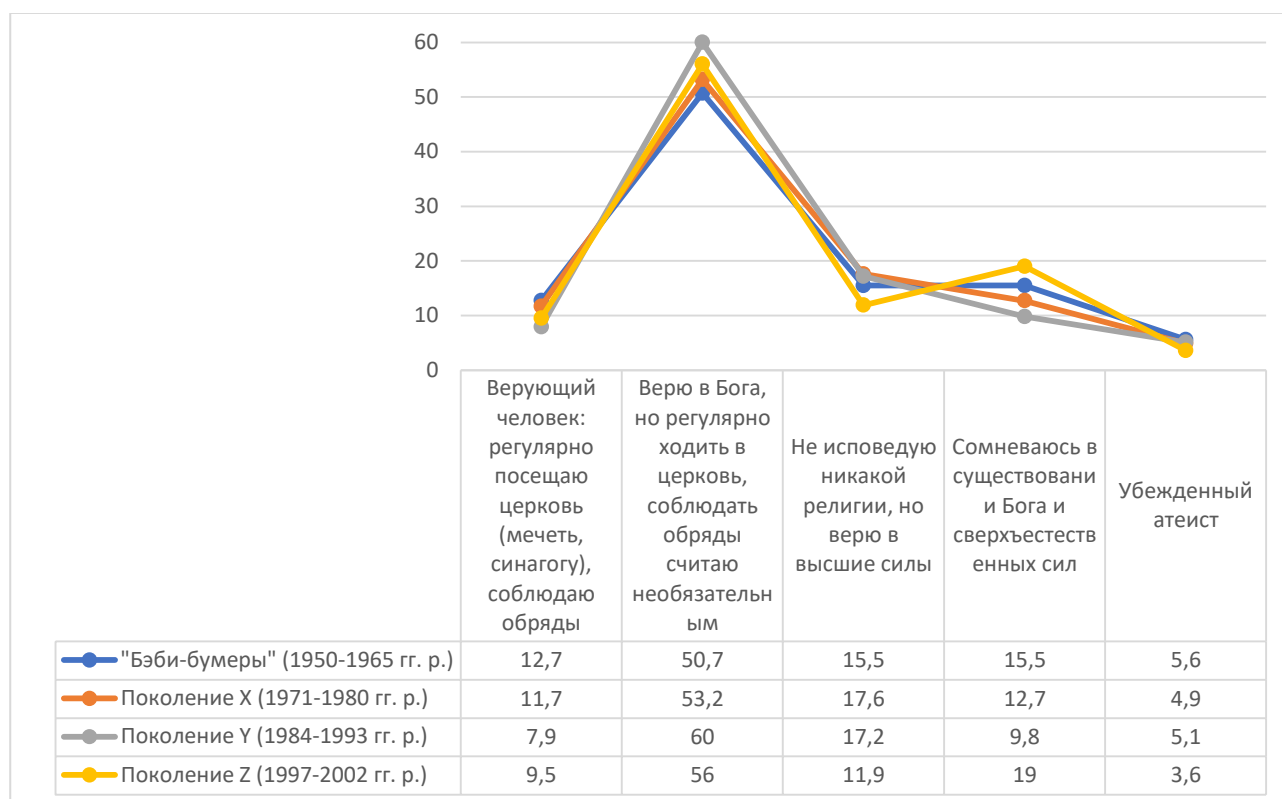

Рис. 5. Распределение респондентов из различных поколений по уровню религиозности на основе декларируемой религиозной самоидентификации, в %. 2018 г., n = 646.

В целом данные 2018 г. по арктическим территориям двух субъектов РФ согласуются с общероссийской картиной: одинаково высокие показатели декларируемой религиозности во всех поколениях и относительно высокая доля религиозных скептиков среди представителей поколения Z (а также в поколении советского послевоенного Бэби-бума, что, вероятно, объясняется инерцией советского секулярного воспитания в случае наиболее «индоктринированных» представителей данного поколения).

В 2020 г. автором статьи совместно с его коллегами из ФИЦКИА УрО РАН было проведено более двухсот глубинных интервью с жителями четырёх субъектов РФ, территории которых входят в состав Арктической зоны Российской Федерации («арктические» муниципалитеты Мурманской и Архангельской областей, Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа). Выборка интервьюируемых котиновалась по полу, возрасту и региону проживания. Квоты устанавливались таким образом, чтобы иметь приблизительно равную представленность каждого из изучаемых поколений в выборке. В ходе исследования упор был сделан на получении качественных данных, но наряду с проведением интервью был также реализован формализованный опрос разведочного характера. Ключевой целью этого опроса было выявление общих социокультурных характеристик населения регионов российской Арктики,

представленного разными поколениями, понимаемыми как социально-исторические общности со сходным культурным опытом, ценностями, установками и паттернами поведения. Именно в ходе формализованного опроса были осуществлены измерения как уровня религиозности жителей российской Арктики, так и их ценностные ориентации. Несмотря на то, что общее число респондентов ($n = 212$) недостаточно, чтобы обеспечить высокую точность данных, случайный характер отбора респондентов позволяет считать выборку репрезентативной, а данные достаточно надёжными для определения наиболее явных межпоколенных различий в системах ценностей опрошенных.

В рамках нашего исследования на основе десяти переменных, заимствованных из опросника, применявшегося в ходе 7 волны опросов World Values Survey⁹, были рассчитаны индексы традиционности / секулярности (рациональности). Посредством этих переменных были измерены отношение респондентов к ценностям труда, семьи, религии, лояльность к субъектам политической власти, толерантность к абортam, разводам, эвтаназии, а также степень выраженности национальной гордости. Переменные были отобраны по принципу наибольших коэффициентов корреляции со значениями по оси «традиционные ценности — секулярно-рациональные ценности», определёнными в более ранних исследованиях Р. Инглхарта и К. Вельцеля [15, Welzel C., Inglehart R., с. 49–53].

В качестве индикаторов уровня религиозности применялся вопрос о важности религии в жизни респондента (использовалась 5-ранговая порядковая шкала) и вопрос о самоидентификации респондента как верующего / неверующего (также 5-ранговая порядковая шкала с качественным описанием её значений). Значения индексов по первому индикатору демонстрируют линейную зависимость важности религии от возраста: чем старше опрошенные, тем выше соответствующие значения (табл. 4)¹⁰. В то же время проверка статистической значимости связи двух переменных (принадлежности к поколению и важности религии в жизни индивида) по критерию Хи-квадрат даёт отрицательный результат ($p > 0,1$) — различия в значениях не столь велики, чтобы вести речь о сколько-нибудь значительном культурном «разрыве» между поколениями, хотя общая тенденция к растущей секулярности сознания при переходе от поколения к поколению вполне прослеживается.

Таблица 4
Индексы важности религии в жизни респондентов¹¹ в разрезе поколений. 2020 г., $n = 212$

	Индекс важности религии в жизни респондента
Поколение Бэби-бума (1950–1965 гг. р.)	0,62
Поколение X (1971–1980 гг. р.)	0,55
Поколение Y (1984–1993 гг. р.)	0,48
Поколение Z (1997–2002 гг. р.)	0,44
По выборке в целом	0,52

⁹ WVS-7 Master Questionnaire 2017-2020 English. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> (дата обращения: 08.01.2022).

¹⁰ Здесь и далее мы не приводим данные в разрезе регионов в связи с тем, что сравнение региональных подвыборок по критерию Краскела-Уоллиса не выявило значимых различий по интересующим нас индикаторам.

¹¹ Индексы рассчитаны как отношение среднего значения по подвыборке к числу значений шкалы.

Ещё менее очевидна связь между принадлежностью к поколению и религиозной самоидентификацией респондентов. Проверка по критерию Хи-квадрат в этом случае также показывает отсутствие статистической значимости между двумя переменными. Вместе с тем можно отметить некоторые особенности в ответах респондентов, принадлежащих к разным поколениям (рис. 6). Так, наиболее склонными к религиозному скептицизму являются представители самого молодого поколения, родившиеся и / или социализировавшиеся в эпоху тотального распространения цифровых технологий и торжества культурной глобализации. Они же являются наименее склонными к идентификации себя как верующих.

Следует отметить, что нами не было обнаружено значимых корреляций между уровнем религиозности с одной стороны и самооценкой дохода или уровнем образования — с другой. Таким образом, ни материальное положение, ни образование, в отличие от принадлежности к поколению, никак не влияют на религиозность жителей арктических территорий России.

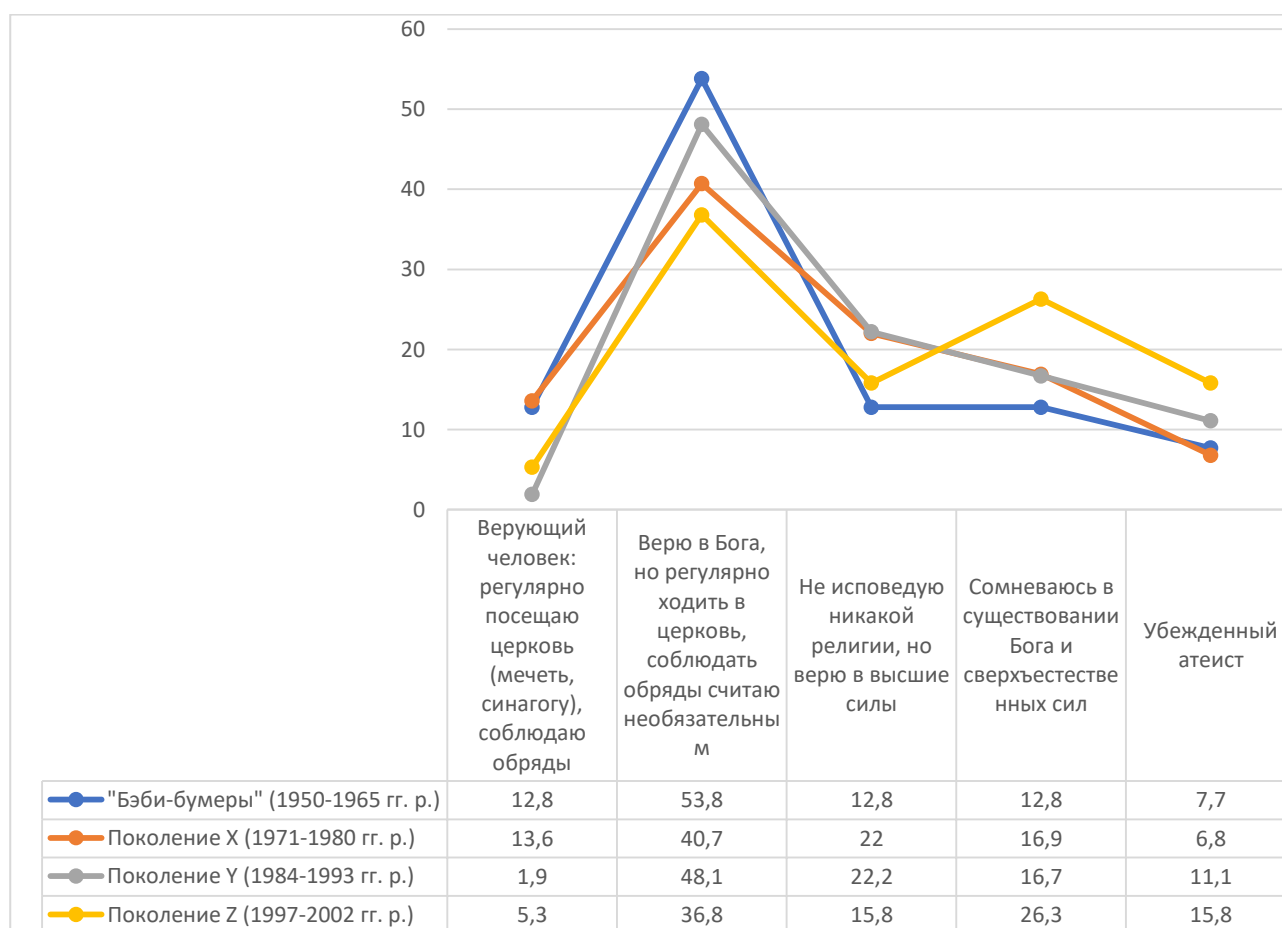

Рис. 6. Распределение респондентов из различных поколений по уровню религиозности на основе декларируемой религиозной самоидентификации, в %. 2020 г., n = 212.

В целом полученные нами в 2020 г. данные согласуются с нашими же данными за 2018 г.¹², а также с общероссийскими данными (World Values Survey) за 2017 г. Отличия от общероссийской картины заключаются в меньшем уровне религиозности населения Европей-

¹² Наблюдаемые отличия, например, по поколению «бэби-бумеров» объясняются различием в структуре и размере выборок и разной величине доверительного интервала.

ской части российской Арктики в целом и поколения Z в частности. На наш взгляд, это объясняется сравнительно незначительной долей в составе населения обследованных территорий мусульман в целом и молодых мусульман в частности¹³, которые в масштабах России несколько корректируют значения ключевых индикаторов уровня религиозности в сторону их повышения. Также наблюдаемые отличия могут быть объяснены более высоким уровнем урбанизации арктических территорий: как известно, в сравнении именно сельское население является в большей степени носителем традиционных норм и ценностей, в том числе религиозности, нежели городское.

Если в завершении обратиться к различиям между представителями отдельных поколений по оси «традиционные ценности — секулярно-рациональные ценности», то можно обнаружить явный тренд на рост секулярности сознания и отказ от традиционных ценностей (в интерпретации Р. Инглхарта и К. Вельцеля) по мере смены поколений.

На основе рассчитанных значений индексов традиционности / секулярности (рациональности) мы распределили всех респондентов по четырём группам: чистые традиционалисты (абсолютное преобладание традиционных ценностей), традиционалисты смешанного типа (промежуточное положение на оси «традиционные — секулярно-рациональные ценности» с выраженным тяготением к «традиционализму»), рационалисты (секулярные) смешанного типа (то же, что и в предыдущей группе, но с более выраженным смещением в сторону секулярно-рациональных ценностей), чистые рационалисты (абсолютное преобладание секулярно-рациональных ценностей). Получившееся распределение по группам для каждого из поколений отражено на рис. 7.

Нетрудно заметить, что, начиная с поколения Y, включавшегося в экономическую и политическую жизнь страны в период 2000-х гг., начинает проявляться тенденция к межпоколенной трансформации системы ценностей в сторону увеличения доли приверженцев секулярно-рациональных ценностей. К настоящему времени на обследованных арктических территориях наибольшая доля носителей этих ценностей имеется в составе поколения Z, где их число примерно равно численности «традиционалистов».

¹³ Ямало-ненецкий автономный округ представляет известное исключение в связи с повышенной (в сравнении с другими арктическими регионами) долей пришлого мусульманского населения. Однако он имеет относительно небольшую численность населения, а доля мусульман в нём пока не достигла величин, сопоставимых с традиционно мусульманскими регионами Поволжья. В связи с этим ответы респондентов из ЯНАО не меняют общей картины сколько-нибудь существенным образом.

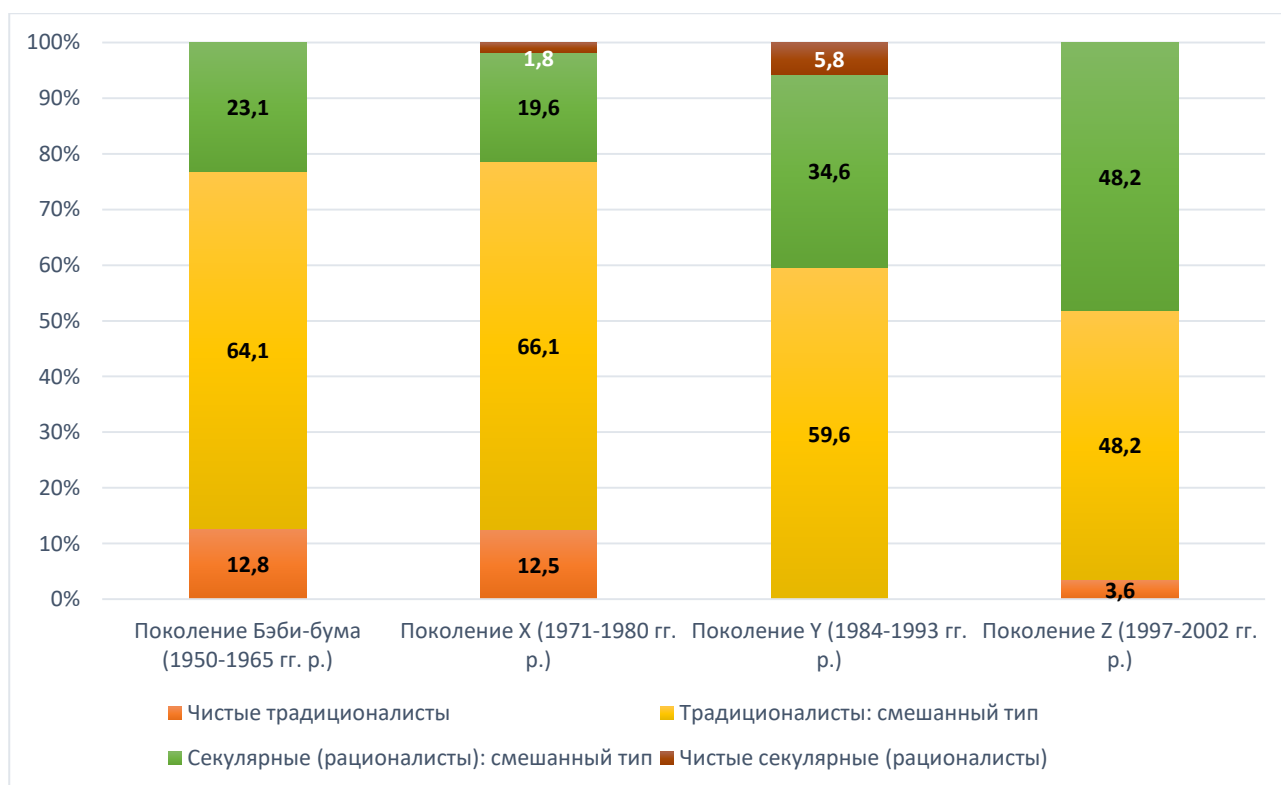

Рис. 7. Распределение респондентов из различных поколений по группам, сконструированным на основе дифференциации значений индекса традиционных — секулярно-рациональных ценностей, в %. 2020 г., n = 212.

Заключение

В ходе анализа эмпирических данных, отражающих состояние системы ценностных ориентаций и уровня религиозности населения как в России в целом, так и на части территории АЗРФ, нашли частичное подтверждение некоторые гипотезы, заявленные в начале статьи.

Во-первых, на материалах опросов населения арктических территорий 4 субъектов Российской Федерации установлено, что тенденция к межпоколенному сдвигу в направлении секулярно-рациональных ценностей имеет место; его начало фиксируется при переходе от поколения 1971–1980 гг. рождения к поколению 1984 — начала 1990-х гг. рождения, социализация которого происходила преимущественно в период после начала рыночных реформ и демократического транзита и вплоть до стабилизации постсоветской политической и экономической системы на рубеже 2000–2010-х гг.

Во-вторых, межпоколенное снижение уровня религиозности и, соответственно, повышение религиозного скептицизма хотя и является частью более широкого процесса вышеуказанных ценностных трансформаций, но не синхронизировано с ними, что подтверждается как общероссийскими данными, так и данными по арктическим регионам. Единственное поколение, которое сколько-нибудь значимо отличается по уровню религиозности от остальных, — самое молодое послевоенное поколение Z, представители которого ещё только вступают в статус полноправных и экономически активных граждан. Такого рода несинхронизированность может быть объяснена ростом декларативной религиозности, ассоции-

рованной с демонстрацией лояльности государству и его агентам: поскольку в публичном дискурсе политической элиты на протяжении последних 10–15 лет усиливалась консервативная риторика, постольку приверженность доминирующим в России религиозным учениям воспринимается значительной частью населения как компонент государственной идеологии.

В-третьих, нашла подтверждение гипотеза о меньшем уровне религиозности населения арктических территорий по сравнению с Россией в целом, что мы связываем со сравнительно меньшей долей в составе их населения мусульман, отличающихся повышенной степенью религиозности. Дополнительным фактором, обусловившим меньший уровень религиозности жителей российской Арктики, является характерная для неё высокая степень урбанизации.

Вместе с тем для целей более тонкого и глубокого анализа религиозности жителей АЗРФ и её связи с межпоколенной трансформацией ценностей необходимы большие объёмы данных, что предполагает расширение масштабов социологических исследований на территориях российской Арктики, прежде всего, регионально ориентированных массовых опросов населения.

Список источников

1. Gottlieb A. Believe it or not? Megachange. The world in 2050. London: The Economist and Profile Books. 2012. Pp. 79–91.
2. Inglehart R. Evolutionary Modernization Theory: Why People's Motivations are Changing // Changing Societies & Personalities. 2017. Vol. 1. No. 2. Pp. 136–151. DOI: 10.15826/csp.2017.1.2.010
3. Маркин К.В. Между верой и неверием: непрактикующие православные в контексте российской социологии религии // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 2. С. 274–290. DOI: 10.14515/monitoring.2018.2.16
4. Мангейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30). С. 7–47.
5. Strauss W., Howe N. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York: William Morrow and Company, 1991. 538 p.
6. Максимов А.М. Межпоколенные изменения ценностей населения России: методологические проблемы исследования // Журнал социологических исследований. 2021. Т. 6. № 1. С. 2–12.
7. Gorski P.S., Altmordu A. After secularization? // Annual Review of Sociology. 2008. Vol. 34. Pp. 55–85. DOI: 10.1146/annurev.soc.34.040507.134740
8. Inglehart R. Sacred and Secular Religion and Politics Worldwide. New York: Cambridge University Press, 2004. 329 p.
9. Possamai A. Post-secularism in multiple modernities // Journal of Sociology. 2017. Vol. 53. No. 4. Pp. 822–835. DOI: 10.1177/1440783317743830
10. Habermas J. Religion in the Public Sphere // European Journal of Philosophy. 2006. Vol. 14. No. 1. Pp. 1–25. DOI: 10.1177/0191453708098758
11. Емельянов Н.Н. Парадокс религиозности: откуда берутся верующие? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 2. С. 32–48. DOI: 10.14515/monitoring.2018.2.02
12. Задорин И.В., Хомякова А.П. Религиозная самоидентификация респондентов в массовых опросах: что стоит за декларациями // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2019. № 3 (94). С. 161–184. DOI: 10.30570/2078-5089-2019-94-3-161-184

13. Пруцкова Е.В. Религиозность и базовые ценности россиян (по данным «Европейского социального исследования и всероссийского исследования «Ортодокс монитор»)) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2017. № 72. С. 126–143. DOI: 10.15382/sturl201772.126-143
14. Karpov V., Lisovskaya E., Barry D. Ethnodoxy: How Popular Ideologies Fuse Religious and Ethnic Identities // Journal for the scientific Study of Religion. 2012. Vol. 51. No. 4. Pp. 638–655. DOI: 10.2307/23353824
15. Welzel C., Inglehart R. Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence. New York: Cambridge University Press, 2005. 333 p.

References

1. Gottlieb A. Believe It or Not? In: *Megachange. The world in 2050*. London, The Economist and Profile Books, 2012, pp. 79–91.
2. Inglehart R. Evolutionary Modernization Theory: Why People's Motivations are Changing. *Changing Societies & Personalities*, 2017, vol. 1, no. 2, pp. 136–151. DOI: 10.15826/csp.2017.1.2.010
3. Markin K.V. Mezhdru veroy i neveriem: nepraktikuyushchie pravoslavnye v kontekste rossiyskoy sotsiologii religii [Between Belief and Unbelief: Non-Practicing Orthodox Christians in the Context of the Russian Sociology of Religion]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2018, no. 2, pp. 274–290. DOI: 10.14515/monitoring.2018.2.16
4. Mannheim K. Problema pokoleniy [The Problem of Generations]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 1998, no. 2 (30), pp. 7–47.
5. Strauss W., Howe N. *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York, William Morrow and Company, 1991, 538 p.
6. Maksimov A.M. Mezhpokolennye izmeneniya tsennostey naseleniya Rossii: metodologicheskie problemy issledovaniya [Intergenerational Values Change of the Russia' Population: Methodological Problems of Research]. *Zhurnal sotsiologicheskikh issledovaniy* [Journal of Sociological Research], 2021, vol. 6, no. 1, pp. 2–12.
7. Gorski P.S., Altmordu A. After Secularization? *Annual Review of Sociology*, 2008, vol. 34, pp. 55–85. DOI: 10.1146/annurev.soc.34.040507.134740
8. Inglehart R. *Sacred and Secular Religion and Politics Worldwide*. New York, Cambridge University Press, 2004, 329 p.
9. Possamai A. Post-Secularism in Multiple Modernities. *Journal of Sociology*, 2017, vol. 53, no. 4, pp. 822–835. DOI: 10.1177/1440783317743830
10. Habermas J. Religion in the Public Sphere. *European Journal of Philosophy*, 2006, vol. 14, no. 1, pp. 1–25. DOI: 10.1177/0191453708098758
11. Emelyanov N.N. Paradoks religioznosti: otkuda berutsya veruyushchie? [Religiosity Paradox: Where Do Believers Come From?]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2018, no. 2, pp. 32–48. DOI: 10.14515/monitoring.2018.2.02
12. Zadorin I.V., Khomyakova A.P. Religioznaya samoidentifikatsiya respondentov v massovykh oprosakh: chto stoit za deklaratsiyami [Religious Self-Identification of Respondents in Mass Surveys: What Is behind Declared Religiosity?]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki)* [The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia], 2019, no. 3 (94), pp. 161–184. DOI: 10.30570/2078-5089-2019-94-3-161-184
13. Prutskova E.V. Religioznost' i bazovye tsennosti rossiyan (po dannym «Evropeyskogo sotsial'nogo issledovaniya i vserossiyskogo issledovaniya «Ortodoks monitor»)) [Religiosity and Basic Values of Russian Citizens (Based on the European Social Survey and the All-Russian Orthodox Monitor)]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie* [St. Tikhon's University Review. Series Theology. Philosophy. Religious Studies], 2017, no. 72, pp. 126–143. DOI: 10.15382/sturl201772.126-143

14. Karpov V., Lisovskaya E., Barry D. Ethnodoxy: How Popular Ideologies Fuse Religious and Ethnic Identities. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 2012, vol. 51, no. 4, pp. 638–655. DOI: 10.2307/23353824
15. Welzel C., Inglehart R. *Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence*. New York, Cambridge University Press, 2005, 333 p.

*Статья поступила в редакцию 13.01.2022; одобрена после рецензирования 14.03.2022;
принята к публикации 14.03.2022.*

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.